

На праздник Лаба принято есть одноименную кашу. Лу Ян взял в своей лавке грецких орехов и арахиса, прикупил на улице фасоли, семян лотоса и каштанов, и вместе с клейким и обычным рисом для основы в общей сложности набралось семь ингредиентов.

Для такого времени года достаточно было и пяти, но, собрав семь, он решил добавить еще один.

Поразмыслив, Лу Ян решил добавить немного сахара, чтобы каша получилась сладкой.

Вечером седьмого числа он уже чистил орехи, арахис и каштаны, заранее замочив рис. Перед сном он сложил все ингредиенты в глиняный горшок, залил водой и поставил в остывающую печь.

Остаточного тепла было недостаточно, чтобы сварить кашу, поэтому рано утром Лу Ян снова разжег плиту, переставил на нее горшок и принялся томить на медленном огне, пока не пошел густой рисовый аромат.

Пока варилась каша, он осмотрел домашние запасы и решил приготовить лепешки с редькой.

Овощные начинки у него тоже получались отменными. Он ошпарил нарезанную редьку и добавил к ней немного рубленых древесных грибов. В доме как раз было подошедшее тесто. Лу Ян отщипнул кусок, хорошенько его обмял, раскатал в жгут, нарезал на небольшие кусочки, а затем раскатал их в тонкие вытянутые лепешки.

Для овощных лепешек Лу Ян предпочитал использовать тонкое тесто. Техника отличалась от лепки баоцзы: лепешка оставалась такой же большой, но тонкий пласт теста обертывал щедрую порцию начинки, слой за слоем, закрывая все просветы, пока не получался аккуратный шарик. Затем он осторожно прижимал его ладонью, формируя толстую лепешку размером с ладонь.

Овощная начинка была дешевой, поэтому ее можно было класть побольше, экономя муку. Хотя лепешки и не были огромными, их хватало на четыре-пять укусов, что прекрасно утоляло голод и радовало вкусом.

«Вот разбогатею, — думал он, — буду делать такие же с мясом. Нет ничего вкуснее, чем есть мясо большими кусками».

Редька была со своего огорода, да еще и соседи принесли несколько корзин. Овощей в доме было в избытке, и он не стал их продавать, оставив для себя.

После праздника Лаба обещали снегопады, и со свежими овощами станет туго. А редьки было

действительно много, да и мука в доме имелась, поэтому Лу Ян наготовил лепешек с запасом, решив попозже отнести несколько штук Лу Линю на пробу.

Прикинув время, он резко обернулся и застал Се Яня, который как раз заглядывал на кухню. Тот от неожиданности даже подпрыгнул.

Лу Ян расхохотался:

— Почему ты все время подкрадываешься?

Слово «подкрадываешься» теперь прочно ассоциировалось с событиями позапрошлой ночи. Се Янь никак не мог забыть, как крестьяне выглядывали из-за углов, с заборов, из-за дверей и окон.

— Я не такой, как они, — тихо возразил он.

На вопрос, в чем же разница, он ответил:

— Они к тебе никакого отношения не имеют, они подглядывают. А ты мой супруг, так что я могу смотреть на тебя совершенно открыто.

— И поэтому ты заглядываешь украдкой? — Лу Ян все еще не мог сдержать смех.

— Я боюсь тебя напугать, — подумав, сказал Се Янь.

Но Лу Яна так просто не напугаешь!

— Вовсе нет! Ты просто боишься, что я сбегу!

Да.

Именно так.

Се Янь тоже улыбнулся, очень застенчиво.

После их откровенного разговора жизнь Лу Яна не сильно изменилась. Его чжуаньюань по-прежнему был очень привязчив, все так же не мог проснуться по утрам и, чтобы окончательно прийти в себя, должен был сначала полежать и почитать наизусть «Тысячесловие». Приходя на кухню, он не врывался с громкими криками, а тихо стоял в стороне, словно боясь помешать, и, казалось, был счастлив просто смотреть на него.

Лу Яна такое положение дел вполне устраивало. Слишком резкие перемены выбили бы его из колеи.

Горячие лепешки были готовы. Он положил пять штук на тарелку, налил большую миску каши Лаба и отправил Се Яня в гости.

— Отнеси брату Линю.

Се Янь уже ходил в гости — не так давно он просил Лу Линя помочь ему сварить куриный суп.

Он взял небольшую корзинку, поставил в нее миску и тарелку и уверенно вышел за дверь.

Праздник праздником, а лавка должна работать.

Лу Ян всегда говорил, что в торговле самое худшее — это работать урывками. Раз уж открылся, то, за исключением официальных праздничных выходных, двери должны быть открыты всегда, даже в самые трудные дни, хоть камни с неба.

Только стабильная работа внушает окрестным жителям уверенность. Эта уверенность приведет к тому, что, когда им что-то понадобится, они пойдут напрямик сюда, а не будут сомневаться, открыто ли, боясь зря потратить время.

Лавка должна была открыться, поэтому Лу Линь тоже встал рано.

Он тоже сварил кашу Лаба, но ингредиентов в ней было поменьше: арахис, финики, фасоль и обычный рис. Приняв угощение от Се Яня, он попросил его подождать, переложил кашу и лепешки в свою посуду, а в освободившуюся миску налил своей каши.

— Маньтоу еще не готовы, я попозже тебе занесу, — сказал Лу Линь.

Се Янь замер. Кашу он мог забрать, но вот насчет маньтоу он не был уверен.

Он повторил слова Лу Яна, вежливо отказываясь:

— Не нужно, мой супруг напек много лепешек, нам и эти не съесть.

Лу Линь промолчал.

«Такому сообразительному супругу достался такой деревянный муж».

Когда Се Янь вернулся, Лу Ян спросил, как прошел разговор.

Память у того была отменная, и он пересказал все слово в слово.

Лу Ян не знал, смеяться ему или плакать.

— И вот так ты учишься у меня разговаривать?

У Се Яня на этот счет была своя теория.

Сначала вежливо отказаться, потом объяснить, что у самих еды вдоволь, и посоветовать оставить себе. Это была стандартная формула.

Лу Ян вздохнул.

Чему он только его учит.

Се Янь взял его за руку:

— Ян-гээр, научи меня еще.

Лу Ян опустил взгляд.

Надо же, как естественно он научился ласкаться.

— Будь я на твоём месте, — начал Лу Ян, — я бы сказал так: «Что ты, что ты, не нужно! У меня дома столько лепешек напекли, нужно съесть, пока горячие. Нас всего трое, куда нам столько! А твои маньтоу так пахнут, что я бы с удовольствием попробовал парочку в следующий раз! Но сегодня не стоит».

Раз уж он хотел выучить формулу, Лу Ян решил объяснить ему все по полочкам.

— Когда ты вежливо отказываешься, нельзя говорить просто «не нужно». Одно слово звучит холодно. Три — уже искреннее, но двух вполне достаточно. Когда говоришь, что у тебя есть лепешки, нужно добавить немного правды. Просто сказать, что их много и не съесть, прозвучит как хвастовство, будто ты кичишься своим достатком. А вот если ты скажешь, что вас в доме всего трое, то понятно, что много лепешек вам и ни к чему.

— Дальше — маньтоу. Раз он их уже готовит и собирается тебе принести, нужно его похвалить. Не пробовал — не знаешь вкуса, так скажи, что пахнет вкусно. А как вкусно? Скажи, что в следующий раз попробуешь. Говоря, что попробуешь, тоже нужно быть реалистом. Нельзя

говорить о большом количестве. Два — самое подходящее число, это просто для красного словца. И не много, и не мало.

— И в конце — завершение. Ты говоришь «не стоит». Опять же, это звучит холодно, поэтому нужно добавить «сегодня не стоит». В следующий раз, когда он будет готовить маньтоу, он может и не вспомнить, так что на этом все и закончится. А сегодня ведь праздник, можно еще сказать пару добрых слов, и разговор окончен.

Се Янь слушал, словно ему читали священные тексты. Он с детства считался умным, но впервые в жизни почувствовал себя полным дураком.

— Что это вообще такое...

— Это житейская мудрость! — похлопал его по руке Лу Ян.

Добрые слова всем приятны, а похвастаться достатком — бальзам на душу. Но если нарвешься на простака, который ничего не понимает, и начнешь перед ним кичиться, он может и все у тебя забрать, и тогда быть вражде.

Житейской мудрости учатся в жизни, и в реальной ситуации никто так подробно все не раскладывает.

Лу Ян позвал его есть, велел не забивать себе голову.

— Будь гибче. Никто не говорит по заученным шаблонам. Посмотри на книги: иероглифы одни и те же, а у каждого мудреца свои труды. Не загоняй себя в рамки.

Се Янь задумчиво кивнул, но за едой был рассеян, погруженный в свои мысли.

А вот у Лу Яна никаких забот не было, и он ел с большим аппетитом.

Когда готовишь для себя, на продуктах не экономишь. Ночное томление в печи сделало все ингредиенты полуготовыми, а утреннее варево окончательно их размягчило.

Клейкий рис дал густой навар, который обволакивал все составляющие, и с каждой ложкой во рту взрывался букет вкусов.

Лу Ян не любил твердую пищу, но орехи и арахис после двойной варки стали такими же мягкими, как каштаны. Сахара он добавил немного, лишь чтобы подчеркнуть их собственный вкус. Каша удалась на славу.

В каше Лу Линя ингредиентов было меньше, но варилась она дольше. Крупный арахис стал нежным и мягким, а сладость ей придавали не сахар, а разорванные на полоски финики, полностью отдав свой вкус бульону.

Лу Ян ел и одобрительно кивал. В следующий раз он обязательно добавит в свою кашу финики!

Запивая кашу, он откусывал лепешку с редькой. Лепешки жарились на свином жире, отчего корочка у них была хрустящей и ароматной. Даже одно тесто можно было есть с удовольствием. Начинка была горячей, редька — в меру мягкой, а древесные грибы сохранили свою упругость. Есть большими кусками было очень вкусно.

А его чжуаньюань, вот ведь бедолага, о чем-то задумался во время еды.

Такая вкусная еда, а он и вкуса не почувствовал. Проще было свинью накормить.

Хм.

Домашними делами занималась Чжао Пэй-лань. Днем было много работы, поэтому Лу Ян договорился с ней, чтобы она спала подольше. Он оставлял ей еду, и ей не нужно было вставать ни свет ни заря.

Позавтракав, супруги вместе отправились в лавку.

Лу Линь, увидев, что они выходят, тоже вышел со своего двора и пошел с ними.

Се Янь украдкой посмотрел на руки Лу Линя. Они были пусты, маньтоу он, как и ожидалось, не принес.

Се Янь вздохнул.

«Как же трудно жить. Что бы я делал без своего супруга?»

По обыкновению, они втроем поехали в уезд на ослиной повозке Ша Чжу.

После недавней ссоры боевой дух семьи Ша Чжу взлетел до небес, и они вцепились в семью Сунь Эр-си.

В их перепалку втянулись и другие мелкие должники. Не выдержав напора, они один за другим признали, что никаких долгов перед семьей Се у них нет, и они просто соседи, живущие в мире.

Семья Се оказалась в трудном положении, потому что пошла против большинства.

Крупных должников было мало, а мелких — много. Когда мелкие переметнулись на их сторону, они перестали быть одинокими.

С крупными должниками требовался силовой подход, одними разговорами тут было не обойтись.

Взять хотя бы Ша Чжу. Он так боялся Лу Яна, и его мать при встрече вела себя очень вежливо, но о долге они по-прежнему молчали. Пока Лу Ян сам не опровергнет его существование, они надеялись, что все само собой рассосется.

А ведь это были деньги. Упрямы, которые не уступят, пока не увидят гроб.

Лу Ян некоторое время смотрел в спину Ша Чжу, потом отвернулся и сказал Се Яню:

— После Лаба — уже почти Новый год. Хочу тебе еще кое-что сказать. Отношения с людьми нужно поддерживать. Нельзя вспоминать о них, только когда что-то нужно. Мы уже обращались к людям за помощью, и теперь должны проявить инициативу.

— Сегодня я не пойду торговать, мы составим список подарков. Дела в последнее время идут неплохо, плату за обучение мы накопили, так что можем немного потратиться. Не говоря уже о многом, твоему хорошему другу мы обязательно должны отвезти новогодний подарок. У вас такие хорошие отношения, его отец еще жив. Неважно, дорогой подарок или нет, главное — твое внимание. Ты его даже на свадьбу не позвал, нужно как следует извиниться. То же самое касается и братьев Ло. Они обо мне заботились, и я не могу только принимать, ничего не давая взамен. Подарок, опять же, неважно какой, покажет, что я помню их доброту, и не даст им почувствовать себя обиженными.

Поддержание отношений зависело от близости и статуса. С Лу Линем, например, они были близкими родственниками и жили рядом. Обменяться миской угощения — вот и все поддержание отношений.

Братья Ло для Лу Яна были как родные, но жили они далеко, и видаться часто было неудобно. Поэтому праздники и дни рождения забывать было нельзя.

Говорили, что нужно поздравлять с тремя праздниками и двумя днями рождения. Следуя этому правилу, можно было поддерживать большинство отношений.

Составление списка подарков — это тоже целая наука.

Лу Ян, по правде говоря, и сам в этом не очень разбирался. Раньше этими делами в семье занимался Старина Чэнь, а он только учился, глядя на него. Но Старина Чэнь был слишком

скуп, и многое Лу Ян усвоил неправильно. Уже позже, в разговорах с другими людьми, он узнал о многих нарушениях этикета.

Соблюдение этикета требовало денег, а у Лу Яна не было практики. Сейчас он решил придерживаться общепринятых на рынке традиций. Еда и напитки — хороший выбор, любая семья будет рада.

Они тихо перешептывались, и Лу Линь тоже прислушивался.

Он думал, что этот Лю-гээр сильно изменился. Раньше он с ним не общался и не знал, что тот, сидя дома, набрался такой мудрости.

Но откуда, сидя дома, можно научиться таким вещам? Странно.

Лу Ян сидел спиной к Ша Чжу, лицом к дороге, и видел все, что происходит позади.

Издали он заметил приближающуюся повозку с мулом. Очень знакомую. Это был Старина Чэнь.

Лу Ян тут же замолчал, снял стеганую куртку, свернулся калачиком на коленях у Се Яня, накрылся курткой с головой, снял перчатки и, не боясь грязи, прикрыл ими лицо, оставив лишь щелочку для дыхания.

— Устал, посплю немного. Когда приедем, разбудишь, — сказал он.

Се Янь, ничего не подозревая, заботливо подоткнул ему куртку, чтобы не дуло.

Лу Линь был поражен. Он попытался его разбудить:

— На дороге сильный ветер, со всех сторон сквозит. Если так поспишь, в лавке точно заболеешь!

Лу Ян знал это. Он поторопил Ша Чжу:

— Поезжай быстрее! Если я заболею, с тебя деньги на лекарства!

Се Янь согласился с Лу Линем. Он тоже стал уговаривать Лу Яна не спать, а потерпеть до лавки.

Лу Ян закрыл глаза и замолчал.

Се Янь вздохнул.

Он хотел снять свою куртку и укрыть Лу Яна, но тот схватил его за руку, не давая пошевелиться.

Лу Линь, видя это, сел так, чтобы вместе с Се Янем загородить его от ветра.

Повозка с мулом ехала быстрее ослиной, и вскоре Старина Чэнь, отстававший от них, догнал их.

Сегодня Старина Чэнь сделал больше тофу и взял с собой старшего сына.

Каждый раз, торгуя на рынке, нужно было платить за место и получать дощечку. Часть выручки уходила на это, и Старине Чэню было жаль денег. Последние несколько раз, распродав тофу, он бродил по окрестностям в поисках места для торговли без платы.

На обочинах улиц тоже нужно было платить за место, где попало торговать было нельзя. Разве что в каких-нибудь переулках, где никто не следил, но там и покупателей было мало.

Старина Чэнь велел старшему сыну взять коромысло и ходить по улицам, продавая тофу.

Но тот заупрямился.

— Открой поскорее мастерскую, и никаких проблем не будет!

Старина Чэнь и сам это знал. В их семье было четыре рта, и каждый день требовал расходов. Разве он мог не торопиться?

Несколько сотен цзиней бобов, купленных по возвращении в деревню, уже почти закончились. Сегодня в уезде нужно было снова покупать бобы, а это большие траты.

Он ждал.

— Ян-гээр должен привезти мне новогодний подарок. Я у него еще немного попрошу.

— Не хочу и слушать, — отмахнулся старший сын. — Ты нашел ему хорошего мужа. Возьми у него хоть одну монету, он нам весь тофу перевернет. О чем ты только думаешь? Сначала открой мастерскую. Когда у тебя будет мастерская, Ян-гээр сам к тебе придет, вот тогда и проси денег.

Старина Чэнь говорил, что нужно подождать, а сам уже подумывал найти посредника и узнать

насчет помещения.

Торговать с лотка было невыносимо. Зимой он мерз, а летом не мог выносить жару.

Узнав цены и прикинув все расходы, можно было идти к Лу Яну.

Если даст — хорошо.

Если не даст, он посмотрит, на чем можно сэкономить.

Этими мыслями он не собирался делиться со старшим сыном.

Тот был одурачен Лу Яном и думал только об открытии мастерской и получении половины прибыли, совершенно не заботясь об экономии.

Они быстро обогнали Ша Чжу и поехали впереди.

Но Ша Чжу, этот дурень, вдруг воспылал духом соперничества и, поравнявшись с повозкой Старина Чэня, стал с ним состязаться.

Старина Чэнь бросил на него взгляд и тихо выругался:

— Дурак.

— Старый хрыч, ты кого ругаешь! — взревел Ша Чжу.

— Ты кого обзываешь, щенок! — вступился старший сын, который перед Ли Фэном был тише воды, ниже травы, а тут вдруг осмелел.

Ша Чжу боялся Лу Яна, но до того, как тот его проучил, он был известным в деревне забиякой и не боялся этих двух трусов.

Его опыт подсказывал, что эти двое — только с виду грозные, а на деле — пустышки.

— Вас и ругаю! Не уступите дорогу, я вас в канаву скину! — пригрозил он.

Лу Линь, наблюдавший за ссорой, хотел было вмешаться, но знал, что Ша Чжу его не слушает.

Лу Ян спал, и он хотел попросить Се Яня успокоить их, но тот с интересом наблюдал за перепалкой.

Он еще не слышал от Лу Яна о его прошлом и не знал, через что тому пришлось пройти. Но он только что слышал, как Старина Чэнь говорил, что хочет взять денег у Ян-гээр.

Может, это его супруг, а может, какой-то другой Ян-гээр. Ему это не понравилось, так что пусть Ша Чжу их поругает.

Отец и сын Чэнь не стали продолжать ссору. У них в повозке был тофу, им нельзя было драться.

Они изо всех сил погнались мула, чтобы оторваться от Ша Чжу.

Ша Чжу почувствовал себя униженным. Он и так был не в духе, поэтому соскочил с повозки, подобрал ком грязи и швырнул им вслед.

Тофу был хорошо укрыт, и грязь попала в сидевшего сзади старшего сына, испачкав ему куртку. Он был в ярости и готов был соскочить и наброситься на Ша Чжу!

Старина Чэнь, видя, что Ша Чжу — отчаянный, хлестнул мула с такой силой, что тот понесся по дороге как угорелый.

Когда Ша Чжу снова сел в повозку, Лу Ян тихонько убрал перчатки с лица.

Се Янь наклонился, и их взгляды встретились. Внезапно его осенило, и он сказал:

— Та парочка уехала. Ша Чжу их напугал.

Лу Ян сел, надел куртку, потер руки, лицо и уши и по привычке бросил Ша Чжу:

— Не создавай мне проблем.

На каждого силача найдется другой. Лу Ян боялся Старину Чэня, Ша Чжу ругал Старину Чэня, а Ша Чжу боялся Лу Яна.

Тот тут же закивал, еще более испуганно, чем Старина Чэнь во время своего бегства.

Добравшись до лавки, Лу Ян несколько раз чихнул. Лу Линь тут же разжег огонь и поставил варить имбирный чай, чтобы он согрелся.

Се Янь вместе с Ша Чжу пошел открывать переднюю дверь и похвалил его:

— Ты сегодня неплохо себя показал.

Ша Чжу не понял, за что его хвалят, но и спросить не решился, и от этого стал работать еще усерднее.

Из-за встречи со Стариной Чэнем Лу Ян еще тверже решил придерживаться своего плана: сегодня не выходить на улицу торговать, а оставаться в лавке.

Поэтому и баоцзы он приготовил немного. Три пароварки баоцзы, две — хуацзюаней и одна — маньтоу. Лу Линь занимался торговлей впереди, Ша Чжу был на подхвате, а Лу Ян с Се Янем устроились в маленькой кухне, греясь у печи и обсуждая список подарков.

Если говорить только о еде, то составить список было легко. Братьям Ло — что-нибудь посущественнее: мясо и сахар. В лавке теперь продавали и сухофрукты, так что можно было взять по два цзиня каждого вида.

Рис и муку пока не нужно. Их едят каждый день, и дарить мало — некрасиво, а много — тоже не произведет особого впечатления.

Для семьи У Лу Ян, подумав, решил выбрать выпечку.

Семья У занималась торговлей тканями и была очень богата. У них не было недостатка ни в мясе, ни в сахаре, да и выпечки, скорее всего, тоже хватало. Но раз уж у них всего в достатке, то выпечка — это красиво и изящно.

Кроме того, в день визита Лу Ян решил прихватить с собой немного баоцзы с мясом. Это покажет их близкие отношения.

Родственникам в деревне сахар пока был не нужен. Мяса — два цзиня, да еще немного риса и муки. В деревне, в отличие от уезда, такой подарок, хоть и небольшой, будет оценен, так как избавит их от необходимости самим идти в уезд.

Затем — деревня Ли.

Лу Ян договорился с Ли Фэном, что они пока будут скрывать правду. Когда он уладит свои дела, они соберутся вчетвером и поужинают.

Сейчас ему было неудобно ехать в деревню Ли, это могло бы принести большие перемены в жизнь его брата.

— Сначала разберемся с другими подарками, — сказал он Се Яню. — Когда закончим, съездишь в деревню Ли, найдешь Ли Фэна и пригласишь его на ужин в уезд.

Се Янь промолчал.

Значит, это все-таки был Ли Фэн.

Неудивительно, что он ему сразу не понравился. Оказывается, это был его суженый соперник.

Он не хотел ехать к Ли Фэну. Его супруг был таким хорошим, а что, если Ли Фэн передумает?

Он сказал, что не хочет ехать, и Лу Ян долго над ним смеялся.

Но и после смеха он все равно не хотел ехать.

Лу Ян снова не смог сдержать смех и, впервые за долгое время, рассмеялся до колик.

Когда у него случались колики, боль отдавала в бок, и ни горячая вода, ничто другое не помогало.

Видя, что горячая вода не помогает, Се Янь запаниковал. Когда через некоторое время Лу Яну стало лучше, он захотел отвести его к лекарю.

Лу Ян отказался.

Лечение стоило дорого: и прием, и лекарства. А пить их нужно было не один раз. Они не могли себе этого позволить.

Их лавка еще не стала по-настоящему популярной. Когда дневная выручка стабилизируется на уровне одного лян серебра, он пойдет к лекарю.

— Не бойся ты этого Ли Фэна, — сказал ему Лу Ян. — Я тебя научу. Прояви интерес к моему брату, и он будет бояться тебя еще больше.

Се Янь был так взволнован, что, не раздумывая, согласился, боясь, как бы у Лу Яна снова не заболел живот.

Лу Ян, видя его согласие, все равно усмехнулся.

— Ты же видел Ли Фэна? Если ты так сделаешь, он тебя так изобьет, что и костей не соберешь.

— Тогда я не поеду, можно? — тут же сказал Се Янь.

— Не поедешь, — улыбнулся Лу Ян, — тогда мне придется ехать самому. И тогда я уже не смогу уехать из деревни Ли...

— Я поеду! — выпалил Се Янь.

Лу Ян, смеясь, повалился на него.

Его чжуаньюань был таким понятным, все мысли были написаны на лице.

Раньше он подталкивал его, чтобы тот хоть немного пошевелился.

А теперь ему нравилось его дразнить. Лу Ян знал, что нужно быть сдержаннее, что, играя на чувствах Се Яня, он может исчерпать его терпение и любовь. Но ему было трудно удержаться. Ему очень нравилось чувствовать, что о нем заботятся.

Если бы его чжуаньюань каждый день шептал ему на ухо, что любит его, что не может без него жить, он бы умер от счастья. И во сне бы улыбался.

Когда человек счастлив, у него есть силы. И нет непреодолимых препятствий.

Пока Лу Ян размышлял, Се Янь снова начал ласкаться к нему, уговаривая пойти к лекарю.

Лу Ян отказывался:

— Я не болен, у меня просто от смеха свело бок. Это же воздух, понимаешь, воздух? Он гуляет по телу. Видишь, болит не в одном месте, значит, я не болен.

Се Янь не мог с ним спорить, но знал, что главная причина — отсутствие денег.

Будь у них деньги, неважно, болен он или нет, можно было бы сходить к лекарю, чтобы тот прощупал пульс, хотя бы для успокоения.

Он решил сходить в книжную лавку и еще раз спросить.

Уже наступил праздник Лаба, а редкие книги все еще не привезли.

Он хотел заработать денег.

И тут он вспомнил еще кое-что:

— Кстати, в середине месяца я могу получить в уездной школе деньги. Пять цяней серебра и тридцать цзиней старого зерна.

Пяти цяней серебра хватит на прием у лекаря.

В его глазах был страх. Человек может быть очень сильным, но в то же время очень хрупким. Еще вчера он работал в поле, а на следующий день болезнь может его унести.

Его отец умер именно так. Простудился, проболел всю зиму, а ранней весной его не стало.

— Мы можем пока не покупать лекарства, — сказал он Лу Яну. — Просто узнаем, почему у тебя все время колики, спросим, как лечиться, и будем лечиться дома.

Лу Ян опустил голову и замолчал.

— После Нового года, где-то в феврале, будут экзамены для детей, — продолжал Се Янь. — Им нужен будет поручитель-сюцай, я тоже смогу немного заработать...

У Лу Яна на душе стало горько. Он хотел пойти к лекарю, но боялся.

Деньги, возможно, были лишь предлогом, но страх был настоящим.

Он никогда бы в этом не признался.

— Не торопись, — сказал он Се Яню. — Вот когда в новом году ты пойдешь в школу, я схожу к лекарю. Подождем еще месяц.

— Я позову Ли Фэна на ужин, а ты пойдешь к лекарю, — поставил условие Се Янь.

Он нахмурился, и это было даже соблазнительно.

Лу Ян поцеловал его.

Се Янь дотронулся до щеки.

— Не пойдешь — попрошу Ли Фэна силой тебя отвести.

Лу Ян не мог позволить Ли Фэну себя связать.

В его семье все были слабыми, только он один — сильный. Если он проявит слабость перед Ли Фэном, жизнь его брата станет горькой.

— Мы не должны его бояться, — сказал он Се Яню. — И ты не должен им мне угрожать.

— Я виноват, — признал Се Янь. — Но ты пойдешь к лекарю?

— Если ты меня еще немного поугавариваешь, может, и пойду, — уклончиво ответил Лу Ян.

Се Янь, оказывается, был готов. Он достал из своего кошелька одну фасолину.

Фасолина была красной, крупной и идеальной формы. Она пухленькая лежала на его ладони.

Когда Се Янь выбирал фасоль, он тайком оставил одну. Он считал красную фасоль символом любви. В стихах говорилось, что этот плод пробуждает самые сильные чувства. Он подарил эту фасолину Лу Яну.

Лу Ян от его уговоров улыбался, как дурачок.

— Так это же я ее купил!

— Я взял цветок, чтобы преподнести Будде, — сказал Се Янь, заметив, что его тон смягчился, а выражение лица расслабилось.

Лу Ян посмотрел на него.

— Взял фасоль, чтобы преподнести супругу, — добавил он.

Лу Ян согласился пойти к лекарю.

— Но только после того, как увижусь с братом. А ты постарайся пригласить на ужин их обоих.

— Хорошо, — пообещал Се Янь.